

В архивы памяти уйти от боли будней

Ковид ли, отлучивший от мира, от общения, унёсший столько дорогих, любимых и просто знакомых людей. Или возраст тому причиной, но, как ни странно, постоянной гостьей сделалась бессонница. Когда не спится, всё чаще вспоминаю бабушку Марию Селивестровну. В годы войны, когда мы с сестрой прятались от войны у неё в деревне, просыпаясь ночью на полотах у печки, я видела, как бабушка, стоя на коленях, при лучине, шептала молитвы. Иногда она держала в руках свою ксёнжку (молитвенник), иногда говорила что-то по памяти. Помнила наизусть самое важное или придумывала сама? Я знала, что молилась она за двух своих сыновей, которых забрала у неё война.

Для меня молитвы – это стихи. Когда-то в селе Михайловском экскурсовод, полушутя, полусерьёзно, сказала моим детям, что тот, кто по-настоящему любит Пушкина, должен знать наизусть 31 стихотворение поэта и каждое утро прочитывать хотя бы одно. Хоть сказано это было с улыбкой, я придумала для себя такой обет. Знать 31 стихотворение наизусть – для меня не было проблемой. Всё это годилось на уроках. Какое-то время выполняла эту данную себе установку. Но было много других проблем. Теперь к Пушкину обращаюсь реже. Ближе по настроению стал Лермонтов. Появилось время и возможность глубже заглянуть в историю. Читаю белорусских поэтов. Когда-то в первые годы работы в школе преподавала белорусский язык и литературу по велению Л.Д. Чернышенко. Тогда уже мне нравилась поэма Я. Купалы «Курган». Но знала наизусть только небольшой отрывок из школьной хрестоматии. Теперь выучила наизусть всю поэму. И это моя главная молитва в часы бессонниц. Читаю, чтобы отпугнуть бессонницу. К утру это удаётся. Но, странное дело, раньше совсем не видела снов или не запоминала их. А теперь сны возникают отчётливые, внятные. И почти всегда снится школа. Вновь и вновь вижу классы и коридоры той, давней, ещё неперестроенной школы. И учеников вижу. Но удивительно: не самых первых, самых дорогих. Выпусков 1961, 1966, 1969 годов, а более поздних. Чаще всего тех, кого взяла в сентябре 1969 года пятиклассниками и с кем рассталась весной 1975 года.

Утром, проснувшись, думаю: почему именно этот класс? Наверно, недодала им внимания, душевного тепла, не пробудила интеллектуальных запросов, интереса к своей литературе.

Весной 1969 года закончили школу два моих по-разному любимых класса – 10 «Б» мой и 10 «А» параллельный. Сколько интересных вопросов обсудили мы на уроках, сколько провели литературных и музыкальных вечеров! Обошли почти все достойные окрестности Витебска. Ушла из школы моя литературная и человеческая гордость: Ира Павлюченко, Лариса Мехедко, Галя Сорина, Наташа Шамкова, Валя Вазилло, Саша Юрьев, Саша Сориц, Лёня Афанасьев, Гена Бородулин, Галя

Герасимова. Ушли из школы, но продолжали писать, звонить, забегали на минутку. Их я взяла в 8 классе. Сама я была моложе. И общение было иное.

А тут на меня свалилась эта пятиклассная малышня. Я узнала, что Ядвига Ивановна Бердашкевич хочет отдать этот свой любимый класс мне. Я бывала у них на уроках в 4 классе. Восхищалась, как во время тренировки по устному счёту моментально поднимался лес рук. Класс был хорошо подготовлен по учебным предметам, воспитан в патриотическом духе. В годы войны сама Ядвига Ивановна была в партизанском отряде П.М. Машерова, и учеников своих воспитывала в духе поклонения героическим подвигам.

И вот у меня классное руководство в 5 «А» классе. Класс большой, в основном мальчишеский. Одних только Сашей – 12 персон. Без «шпаргалок», т.е. без старых фотографий, попыталась вспомнить пофамильно: Саша Будько, Саша Волков, Саша Грибовский, Саша Королёв, Саша Кулагин, Саша Рулёв, Саша Чередков, Саша Щемелёв... А ещё два Серёжи (Кулик и Хурс), Коля Дианов, Лёня Волчек и много, много других... Входишь на перемене в «свой дорогой» класс и окунаешься в беспредельную неугомонность. Девочек не видно и не слышно.

В педагогике известно, что средние классы в школе – самые трудные. Они вырвались из-под опеки одного учителя, который всегда с ними. А тут много учителей. И у этих учителей много разных классов. Попробуй успеи везде.

Больше всего из того далёкого времени помнится «пистолетная эпопея». Она началась, кажется, с первых сентябрьских дней. В магазинах, где продают детские товары, в каждом маленьком киоске, в любом маленьком ларьке можно купить детский пистолетик и пистоны к нему. Каждая перемена в классе начинается с «военных действий», потому что вся, или почти вся, мужская часть классного населения вооружена. Если учитель чуть-чуть задержался, переходя из другого класса, начинается беспорядочная стрельба.

Вначале стала вежливо, с шутками, прибаутками забирать их «личное оружие». Аккуратно отправляла их «собственность» в бумажный пакетик с подписанной фамилией. Обещала вернуть, если «будешь хорошо вести себя».

Но вскоре стало ясно, что гуманизм в этой ситуации не срабатывает. Постоянно подходили просители, утверждая, что уже исправились, ведут себя хорошо и пора вернуть пистолет.

Пришлось изменить тактику. При изъятии их ценностей строгим голосом заявляла, что «средство вооружения по закону реквизируется, то есть изымается безвозмездно». Возврат возможен на выпускном вечере при получении аттестата зрелости.

Пока они разбирались в моих лингвистических премудростях, обида и зло как-то сглаживались с обеих сторон. И конфликтующие субъекты расходились мирно.

И в самом деле несколько пистолетиков были возвращены из хозяев в торжественной – обстановке на выпускном вечере в 1975 году. Родители и гости этого праздника встретили данное действо весёлым оживлением.

Но в моих нынешних снах мне видятся не те мелочные проблемы и заботы, которые свалились на меня, когда я стала классным руководителем 5 «А» класса. Видимо всех их как личностей я стала воспринимать где-то в классе 7-м, 8-м. Поэтому и в снах моих они появляются именно такими. Несколько раз видела во сне Сашу Кулагина. Лицо поникшее, опечаленное. И у меня во сне какое-то чувство вины перед ним. Вроде чем-то обидела, где-то недооценила, что ли? Просыпаясь, думаю: в 6 или в 7 классе у Саши умер папа. Зрительно я и теперь помню, как его хоронили, какие цветы бросали перед гробом. Но я не помню ни одного тёплого, прочувствованного слова, которое должна была сказать ему в те минуты. Да и позже я мало уделила внимания этому мальчику. Я не сумела найти в себе той душевной чуткости, какую проявили ко мне мамы подружки, когда моя мама ушла из жизни.

Отчётливо вижу во сне Леночку Блохину, привычно ласковую, с глазами, полными добра и внимания. Может, потому, что когда иду в наш ближний билевский магазин, прохожу мимо дома, где живёт семья её сына. И в мыслях видится дом Лениной бабушки в парке Фрунзе, где мы иногда встречались. Вспоминается наш дом на ул. Калинина. Как всё тогда было радостно и просто.

Постоянно возникает в моих снах фигура Саши Волкова. Не лицо, не взгляд, а именно фигура. Человек с жестами командира. То на тогдашнем школьном мини-стадионе, то на площади во время соревнований. Он – неизменный командир нашего сначала пионерского, а потом комсомольского отряда. Районные и городские «Конкурсы песни и строя» проводились часто. Под руководством старшей пионервожатой Риммы Ивановны Лукашенко и Саши Волкова наш отряд почти всегда был в числе призёров или победителей.

Изредка появляется в моих снах Таня Савостьянова. Лицо недовольное, сердитое. Да, они с Ларисой Цветковой относились вначале ко мне настороженно. Я объясняла это тем, что я больше внимания уделяла мальчикам. Я-то знала, от кого мне чаще ждать сюрпризов. Только много лет спустя после окончания школы я узнала, что виновата была перед ней в те годы потому, что не оценила по достоинству её аристократическую гордость ученицы музыкальной школы. Кто-то из её подруг, уже будучи взрослым человеком, рассказал мне, как возмущало её то, что «эта классная, изверг, истязатель» заставляет её брать в руки грязную тряпку и мыть в классе полы. А её руки созданы для того, чтобы прикасаться к клавишам инструмента, извлекая очаровательные звуки музыки.

Уборка класса – это ещё одна нелёгкая проблема тех первых дней моего общения с пятиклассниками. На классного руководителя в те годы, как никогда, возлагалась ответственность за воспитание трудовых навыков. В том числе и в бытовом плане.

Страна жила по принципу: «экономика должна быть экономной». Количество технических работников в школе сократили до минимума. «Технички» убрали только общие помещения. Учебные кабинеты и классы были закреплены за определёнными коллективами, начиная с 5 класса. А поскольку в семьях мало кто из детей этого возраста был приучен заниматься уборкой, классному руководителю приходилось на личном примере показывать, где и как вытереть пыль, как прополоскать и отжать половую тряпку. Швабры в те времена были только у техничек, а про резиновые перчатки и речи не шло. В школе никто не видел эту роскошь.

Но однажды, через годы, моя методика обучения мытью полов была оценена довольно высоко. Встретила на улице своего бывшего ученика с молодой женой. И эта юная хозяйка дома принялась благодарить меня за то, что в школьные годы научила её будущего мужа мыть полы.

Теперь он охотно помогает ей в уборке квартиры. Значит, был какой-то смысл и от моего трудового обучения. Наверно, шло это от диссертации Леонида Дмитриевича Чернышенко.

Но мы выросли. На смену детским «пистолетикам» пришли фотоаппараты и гитары. Это было уже в классе восьмом.

Однажды, снова увидев во сне недовольное лицо Тани Савостьяновой, опять взяла в руки альбом с фотографиями. Вот на фоне нашей старенькой классной доски вокальная группа проводит последнюю репетицию перед выходом на сцену. Последнюю – потому что девочки в белых передниках, а ребята, как это было принято, в тёмных костюмах и белых рубашках.

Поют Таня Савостьянова, Саша Волков, Коля Дианов, Галя Милица, Саша Кулагин, Лёня Волчек. Аккомпанирует на гитаре сын нашего преподавателя пения Романа Аркадьевича Харнаса. После восьмого класса мальчик поступил в музыкальное училище, поэтому плохо помню его. Однако и сегодня, вспомнив, осуждаю себя за то, что часто поругивала его за пропущенные уроки. Не понимала тогда, как много приходилось ему тогда заниматься музыкой.

Лёня Волчэк больше вспоминается уже в старшем возрасте. И всегда рядом с Сашей Трескуновым. Вижу эту пару во время дежурства по классу. Уже опытный по части уборки класса, Лёня, обучает недавно появившегося у нас Трескунова. Чувствуется в этом деле прогресс. Лёня учился мыть полы с ведром и тряпкой. Теперь у них в руках уже швабра.

Был случай, когда я повезла во время каникул свою сестру в Ленинград, вдруг встретила этих двоих в Эрмитаже. Но это было уже в 10 классе.

Но я взяла в руки альбом, вспомнив про Таню Савостьянову. Чего ей было обижаться? На всех фотографиях она весёлая, уверенная в себе. И на репетиции, и в колхозном дворе на переборке картошки. Человек с чувством юмора, иногда чуть надменного.

Эта фотография в момент репетиции не случайно интересует меня. Да, это восьмой класс. Галя Милица ещё ученица нашего класса. В классе Ядвиги Ивановны она была первой ученицей во всём – и в учёбе, и в делах класса. А у меня в пятом классе, кажется, как-то потерялась. Причина, наверно, в том, что я слишком много уделяла внимания мальчишеской части класса.

Но вот в городе прошёл слух, что во второй средней школе открывается математический класс. Спецклассы тогда активно входили в моду. Галя, как человек ищущий, творческий, решила уйти в этот класс. Была горькая обида. Но в школе я никому ни слова, ни полслова не сказала по этому поводу. Меня тревожила не зависть, что вторая школа ни за что, ни про что получит достойную ученицу. Было досадно, потому что я чувствовала в этой девочке какое-то гуманитарное начало. А тут математика...

Так было когда-то с Галей Сориной. Тогда, в предыдущем выпуске, я волновалась, потому что не могла понять одного. Что выберет Галя: филологию или историю? А она, умница, выбрала философию. И самый сложный её раздел – логику.

Впрочем, с девочками проблем не было. Хотелось только чуть расшевелить застенчивых, таких, как Галя Семенкова, Света Щеглова.

Сразу же обратила внимание на Равкову Наташу и Стальмакову Галю. Конечно потому, что учила старших – брата и сестру: Лиля Стальмакова была одной из моих любимых учениц в предыдущем выпуске.

Брат Наташи, надо прямо сказать, не часто радовал меня своим присутствием на уроках русского языка. В городе и в области он был признанным, именитым спортсменом. Следовательно: то соревнования, то сборы, то первенство. А выдающимся спортсменам, защищавшим честь города, области, республики, многое прощалось.

Но Наташа и Галя сами по себе были девочки неординарные. Спортсменки, романтики, выдумщицы... Всегда готовы были выдумать и предпринять что-то необычное. А позже судьба соединила нас с Наташей пусть случайно, но надолго. Закончив физмат пединститута, Наталья Ивановна Равкова-Шальго стала моей коллегой. Она многие годы преподавала математику в 15 средней школе, которая позже стала гимназией № 1. В нашем учебном заведении Наталья Ивановна доработала сначала до моей, а потом и до своей пенсии. Жизненной активности и инициативы ей и сегодня не занимать. Ну, а нам с ней есть что вспомнить из нашей общей школьной жизни. И по телефону, и при встрече.

Начала я со своих сонных и бессонных бдений. Но главное – всё-таки фотографии.

Все мои классы, начиная с 1961 года, знали, что «Галина никаких подарков не признаёт». Разве что ветку сирени на «Последнем звонке» или несколько астр со своего огорода. Обычно на разные праздники выкладывали на стол открытки. С датами и без. Но обязательно с фамилиями и именами. Близился день 8 Марта. И

вдруг на столе оказался альбом со множеством любительских фотографий. Я поспешила напомнить классу о строжайшем приказе горно. Отдел образования направил в школы приказ, согласно которому учителям запрещалось принимать, а ученикам дарить какие бы то ни было подношения, вплоть до цветов и книг. А тут – вопреки суровому приказу – альбом, да ещё с надписью: «Дорогой Галине Петровна от её воспитанников». 7.03.1973 г. Да, да, ещё и с датой. Прямое нарушение приказа.

Попробовала образумить моих опрометчивых учеников, отказаться от несвоевременного подношения.

В ответ на мои увещания кто-то из мальчиков заверил меня, что эти фотографии они стали собирать давно. Возможно, не все придут в 9 класс. Кто-то будет поступать в музыкальное училище, кто-то пойдёт в техникум. А в памяти должны остаться все. Позже, много лет спустя, на очередном вечере встречи ребята признались, что хотела созорничать. Коль педагогические руководители так унизили своим приказом учителей, почему бы не возразить им. Не накажут же Галину Петровну за подарок, сделанный руками её учеников.

И спасибо им, моим ребятам, за этот альбом. Сегодня этот скромный альбом, заполненный любительскими фотографиями, дороже мне самых изысканных, профессионально выполненных фотомонтажей.

Рассматривая эти, когда-то знакомые лица, вспоминая их всех вместе и каждого в отдельности, я внятно вижу и их характеры, и их темпераменты. Хорошо, что без стандартного официоза. Вот истые классные юмористы Коля Дианов, Серёжа Кулик, Гена Голованов пытаются рассмешить народ изощрёнными мимическими упражнениями. А Саша Кулагин с показной старательностью демонстрирует в спортзале подтягивание на перекладине. Девочки утомились на переборке колхозной картошки и весело отдыхают на соломе.

Когда я в очередной раз пересматриваю этот альбом, у меня появляется мысль, что этот класс у меня был особенный, не такой, как предыдущие. Там я начинала работать с восьмиклассниками. А у детей пятого класса иные интересы, иная психология. Не было у нас поэтических вечеров, дискуссий о судьбах литературных героев. Думаю, что причина не только в возрасте учеников, но и во мне самой. Я стала старше. Поутихла моя наивная романтика, когда в душе жило стремление влюбить всех и каждого в литературу, в высокую поэзию. Мой новый класс я взяла в таком возрасте, когда им нужно движение, действие. Они подрастали, и я старалась присматриваться к их увлечениям, к их интересам. Походы по родному краю нравились и мне, и ребятам. Особенно ярко вспоминается один из наших походов, к которому мы готовились тщательно. Но получилось всё экспромтом. Закончили седьмой класс. Последнее родительское собрание, на котором вдруг возник вопрос о походе. Кончался май, но погода никого не радовала. То дождь, то вдруг с ветром принесёт снежок. Синоптики обещали утренние заморозки. А поход

намечался двухдневный. Для ребят самое существенное – костёр на природе и ночёвка в палатках. Ясно, что родители, особенно мамы, забеспокоились. Дети могут простудиться и заболеть. После некоторого дискуссирования пришли к решению: поход придётся отложить «до более благоприятных погодных условий». Для нас, классных руководителей-женщин, в походах была своя сложность.

Для каждой группы нужен второй сопровождающий. Конечно, хотелось бы уговорить кого-нибудь из преподавателей-мужчин. За надёжной мужской спиной всегда чувствуешь себя уверенней. Но мужчин в школе, как известно, считанные единицы. А так хотелось, чтобы всё было по-иному. Особенно для таких мальчишеских классов, как мой.

Я, правда, уже упростила всеми уважаемого и любимого учителя физкультуры Анатолия Ивановича Павлова. Ему нравился мой класс, и он охотно согласился пойти с нами. Возникла небольшая заминка. Ни у меня, ни у Анатолия Ивановича не было телефона, и я не могла вечером сообщить о решении родительского комитета.

Утром, немного обеспокоенная, иду по коридору школы, а навстречу Анатолий Иванович с ехидной улыбочкой:

– А где ваш рюкзачок? Где спортивная форма?

В замешательстве пытаюсь объяснить, что родительский комитет решил отложить поход до лучших погодных условий.

– Видно, не все родители посещают ваши собрания, – улыбается Анатолий Иванович. – Пойдёмте в спортзал. Там ваш молодой народ ждёт – не дожждётся своего классного руководителя.

Приходим в спортзал, а там мальчишеский актив в количестве семи человек в полной походной форме, с рюкзаками, удочками, чайником и прочим походным инвентарём – устроились на скамейке. И неизвестно с каким настроением глядят на свою опоздавшую классную.

Мою растерянность Анатолий Иванович погасил моментально:

– Вы, Галина Петровна, быстренько домой. Благо недалеко от школы. Переодеваетесь, захватите всё необходимое – и на вокзал. А мы с ребятами пойдём на вокзал сразу отсюда. До Лужесно доедем городским транспортом, а там спортивным шагом – в Верховье.

Оказалось, что опытный организатор и отличный спортсмен, Анатолий Иванович уже договорился со своим коллегой – преподавателем физкультуры Верховской школы, что тот проведёт с нами экскурсию в музей их школы. Там собраны материалы о жизни Ильи Ефимовича Репина в Здравнёве. Об их музее уже писали в городской газете, хвалили.

Дальше экскурсия на площадку в Верховье, где на железнодорожные платформы перегружают рубовский доломит, которым гордится Витебская область.

Ночёвка планируется в школьном спортзале. В оставшееся время можно порыбачить. Вечером костёр и привычная походная каша.

На одной из фотографий шестеро мальчишек, участников похода, обживают чью-то лодку, причаленную к берегу. Видимо, коллега Анатолия Ивановича договорился с кем-то из местных жителей. На первом плане Саша Волков, Саша Кулагин. Двое попали в кадр со спины. Скорей всего, Серёжа Кулик и Саша Будько. Ну, а Серёжа Хурс на берегу с фотоаппаратом. Об этой рыбалке Сергей вспоминал недавно, когда приезжал навестить маму, Феню Михайловну.

Сергей давно закончил «Можайку», работал на Байконуре в группе инженеров космической отрасли, потом в серьёзном НИИ, но вот детскую любовь к рыбной ловле не утратил. Приехав в Витебск, он просил меня показать те места, где они с ребятами рыбачили тогда в походе. Но, увы! Между Лужесно и Верховьем уже тогда строили Витебскую ГЭС.

Вспоминается, как ночевали в спортзале Верховской школы. И хоть спать на гимнастических матах «без подушек и без белых простыней» было, вероятно, не очень комфортно, сон у хлопцев был отличный.

А я всю ночь ворочалась на сидениях двух сдвинутых парт и мысленно сочиняла благодарственную речь в адрес Анатолия Ивановича, которую я произнесу, когда вернёмся из похода. Как я была благодарна ему за организаторский талант. За бескорыстную помощь, на которую я даже не рассчитывала.

В Рубу мы отправились ранним солнечным утром. Шли то берегом Двины, то краем небольшого лесочка. На травах, на молодых листьях деревьев радужным многоцветьем сияла роса. Панорама какого-то обширного водного пространства. У самой воды разбитая грузовым транспортом дорога. По ней одна за другой идут груженые доломитом машины. Издали на фотографии они кажутся миниатюрными. А вот следующий кадр – просто чудо! Водитель одной из машин помогает моим ребятам забираться по очереди к нему в кабину. Высота внушительная. Начинаешь понимать, с какой исполинской техникой здесь имеют дело.

Фотографии помогают вспомнить ещё одну сторону нашей давнишней жизни в школе. Те времена были трудными для всех, но особенно для сельского хозяйства. Поездки в колхоз во время посевной и уборочной были привычны и обязательны. Старшие классы обычно ездили осенью, а средние – весной, когда открывали бурты, где хранилась картошка прямо в поле, укрытая соломой и грунтом. Её требовалось откопать, перебрать, подготовить к посеву. Судя по фотографиям, это было самое весёлое, беззаботное время. Уроков нет, а работа весёлая.

Ещё один поход достоин того, чтобы вспомнить о нём. После окончания шестого класса мы отправились в Мошканы, на родину Героя Советского Союза Александра Горовца. Уроженец Витебщины, двадцативосьмилетний лётчик во

время сражения на Курской дуге сбил девять фашистских самолётов. За этот подвиг ему присвоили звание Героя.

На мысль пойти в Мошканы нас натолкнул, кажется, Ильющенко. «С ночлегом проблем не будет, – успокоил меня мой ученик. – У нашей бабушки на чердаке столько сена, что хватит на два таких класса, как наш».

С походами в тот год была относительная демократия. Согласны родители? Не возражают директор и завуч? Готов пойти сопровождающим кто-то из родителей? Нет вопросов. Счастливой дороги, отряд!

На оршанском поезде доехали до Замосточья (или до разъезда Лычковского?). Тем более, что проводника не надо искать. Внук в деревню к бабушке всегда доведёт.

Дорога приятная. Даже не дорога, а хорошо протоптанная тропа. Впереди с солидным отрывом видна группа девочек. На плечах у них солидные рюкзаки. Запаслись основательно. Чувствуется, что настроение у всех бодрое. Особенно у мальчиков, которые по-рыцарски уступили девчатам «первую дорожку». Чуть поотстав, шагают с шутками, прибаутками, наслаждаясь свободой и самостоятельностью. Пусть себе «классная» где-то там впереди опекает «слабую половину человечества».

В Мошканах агроном рассказала нам о работе своего хозяйства. Вожатая местной школы поведала о том, как они собирают материал для школьного музея о жизни и подвигах героя–земляка.

Но вот подошёл вечер. Стали устраиваться на ночлег. На бабушкином сенном чердаке и впрямь было уютно. В одном углу облюбовали себе место девочки. В другом – ребята. Сначала были слышны шутки, посмеивания, подначки. Потом сон понемногу сморил путешественников.

И вдруг рядом со мной послышался осторожный шорох. Указывая пальцем в дальний угол у самой двери, наш – всегда решительный и мужественный – Коля Дианов испуганно прошептал: «Кто там?»

В дальнем углу ярко светились два зелёных огонька. Оказывается, там устроилась кошка с котятками. Откуда Коле, выросшему в городской квартире, – и, понятно, без «братьев наших меньших», – знать, что ночью глаза у кошек иногда в темноте светятся зелёными огоньками?

Мы с Колей осторожно подползли к кошачьему семейству, убедились, что кошка, когда у неё появляются котята, ищет укромное местечко. Договорились не распространяться про это небольшое ночное происшествие.

Ещё один примечательный эпизод, касающийся наших походов, интересен уже только для меня. Мы доросли уже до 10 класса. Проводился, наверно, наш последний турслёт. Место проведения определили преподаватели физкультуры. Это где-то в районе Барвина перевоза.

Закончились соревнования. Подведены итоги. Можно собираться домой. Для старших относительная свобода. Можно выбрать обратную дорогу по своему усмотрению.

В школе в те годы была старенькая грузовая машина. Преподаватель трудового воспитания Иван Никитич Силков по совместительству выполнял обязанности водителя этого транспортного средства. Тем более, что с Леонидом Дмитриевичем они были друзьями: вместе заканчивали войну на Дальнем Востоке. С турслёта можно было уехать на этой машине. Но мои девчата-затейницы предложили закончить слёт по-спортивному. Ясно, что это была идея Наташи Равковой. «Кто с нами пешочком до площади Ленина?» – «Далековато», – прозвучал чей-то неуверенный голос. «Будешь изнемогать – в Ольгово подсядешь на «единицу». За 5 копеек автобус довезёт».

Я ещё не успела осознать смысл этого предложения, как из группы ребят прозвучал то ли лукавый, то ли язвительный вопрос: «А вы, Галина Петровна, с нами или на машине?»

Где-то в глубине души у меня возникла тревога. С девчатами моего предыдущего выпуска мы часто провожали в Тулово Лену Лавринович, где она жила у тёти. Нередко устраивали пробежки от городской черты до Тулова. Я тогда – при желании – даже порой перегоняла в беге моих десятиклассниц. Но теперь?.. Как говорят, годы берут своё. Однако неудобно показать свою слабость.

– С вами, с вами, конечно, – отозвалась я по возможности уверенным голосом.

Мы дошли до площади Ленина. Хорошо помню чувство удовлетворённости, когда прощались. Все, кто дошёл.

Начались мои размышления с тяжёлого ковидного времени, с непривычных ночных бессонниц. Потом обращение к старым фотографиям, с которых смотрят они, мои ученики. Такие разные: искренние, непосредственные, озорные и серьёзные, шустрые и бедовые... Вспоминаются те годы нашей общей школьной жизни, и кажется, что всё тогда было светло, увлекательно, даже благостно.

Но если вдуматься, ни с одним из моих выпусков не случилось таких горестных, драматических происшествий, как с этим невероятным классом, с которым мне случилось (или посчастливилось) работать с 1969 до 1975 года. И тут я абсолютно уверена, что виновата я сама. Мой характер, в чем-то чрезмерная уступчивость. И в отношениях с классом, и с администрацией. Многое началось, я думаю, с появления в нашем классе нового ученика – Саши Трескунова. В 70-е годы в базовой школе (тогда говорили «неполная средняя») заканчивался первый этап школьного обучения. В 9 класс поступали те, кто собирался учиться в вузе, кто имел достойные оценки. Желающие шли в техникумы, музучилища. Остальные в технические училища. В 9-х классах совершалась определённая перетасовка. Накануне начала учебного года директор школы пригласил меня для беседы. Разговор начался странно. Абрам Григорьевич похвалил наш 9 «А» класс, спортивные успехи ребят,

а потом сказал, что у него ко мне есть просьба. Я должна согласиться взять в мой класс ученика 8 «В» класса Трескунова. «Надо помочь человеку, попавшему в трудную ситуацию». Что мне оставалось делать? В просьбе отказать директору некорректно.

Тут же последовал совет: поговорить с ребятами класса, чтобы они отнеслись к новому товарищу доброжелательно. После прошлогоднего неприятного инцидента человеку этому нужна помощь и внимание.

Я, как и все учителя школы, знала про эту неприятную историю. Говорили, что Трескунов перешёл к нам в школу из десятой. Там у его мамы были какие-то конфликты. В 8 классе, где он учился, я не работала, даже ни разу никого не заменяла. Говорили учителя, что вначале всё было нормально. Но вдруг он стал оказывать знаки внимания своей однокласснице, девочке обаятельной и горделивой. Его дерзкая напористость не понравилась Алле, и она пожаловалась старшему брату. Парень жестоко избил поклонника своей сестры. Так, что Трескунов попал в больницу. И вот теперь вместо девятого «В» или «Б» Александр Трескунов будет значиться в списках 9 «А» класса.

Для меня после разговора с директором главная задача виделась в том, чтобы поддержать обиженного человека, помочь ему найти своё место в новом коллективе. Ребята же – по своим дворовым каналам – лучше моего представляли себе эту личность, достаточно непростую. Как выяснилось, не такой уж он обиженный и несчастный, как думалось мне после разговора с директором. Амбициозность и самонадеянность одноклассники, в отличие от меня, почувствовали сразу. Теперь я думаю, что они осуждали мою чрезмерную заботу о новом ученике. Возможно даже иронизировали над моей «опекунской педагогикой». А я-то старалась добросовестно выполнять совет и просьбу Абрама Григорьевича. И действия мои были, вероятно, в ущерб делам класса. Да и эпизодам моей жизни в будущем.

Особую тревогу вызывали школьные вечера. Все знали, что тогда, в 8 «В» классе, позорная драка произошла после школьного вечера. И теперь в эти субботние дни у меня возникала тревога. В нашем классе к Трескунову ребята относились иронично, но снисходительно. Но были старшие и младшие классы, с которым у него случались конфликты или ещё какие-то странные деловые отношения. Это беспокоило.

В одну из суббот что-то отвлекло, и я не видела, как ребята расходились в конце вечера. Спросила: всё ли в порядке? Где-то в стороне кто-то иронично хмыкнул: «Опять классная о своём подопечном хлопочет».

Вроде всё в порядке, но где-то подспудно таилась тревога. Придумала повод: мол, до сих пор не выполнила ещё одну обязанность классного руководителя – «посещение учащихся на дому». Время пока не позднее. Трескунов живёт недалеко. Почему бы не зайти и не познакомиться с мамой? А заодно убедиться, что он дома?

Дверь открыла Сашина мама. И тут я поняла, что пришла некстати. Вместо «Войдите!» или «Здравствуйте!» я услышала гневное: «Что опять случилось?»

Не успела, стоя у порога, заверить, что всё в порядке, что прошло зашла познакомиться, как из кухонной двери выглянул мой ученик. Вот и хорошо, что он дома, что всё в порядке. Но чувствовалось, что не всё в порядке. Вид и у сына, и у матери был напряжённый. По всей вероятности, перед моим приходом что-то произошло. А что происходило в этой семье, я узнала через год-два.

Мама всё ещё держала меня у двери, а сын заторопился проявить учтивость – усадить меня на единственный стул, который стоял в прихожей. Но на стуле лежала стопка недавно постиранного белья. Мой ученик схватил это бельё и швырнул в открытую дверь комнаты прямо на пол. Всё это случилось так внезапно, что я – мимо матери, стоявшей у двери – бросилась собирать разбросанные наволочки и полотенца. Собирали вместе с Сашкой. Когда наши руки столкнулись, я зло ударила его по рукам. Я требовала, чтобы он извинился перед мамой, говорила ещё что-то злое. Он тоже стал кричать в ответ. Никогда я не видела его таким разъярённым в школе. Веяло ощущением какой-то непонятной застарелой вражды. Больше я в этой квартире не бывала, только общалась с этой матерью по телефону и то в крайнем случае.

А пару раз такие необходимые случаи возникали. Даже после окончания школы моим необычным учеником.

А время шло. Закончен 9 класс. Наша параллель должна ехать в лагерь труда и отдыха в совхоз «Вороны». Лагерь этот возник по инициативе прежнего директора школы Леонида Дмитриевича Чернышенко. Было это в 1964 или в 1965 году, когда Леонид Дмитриевич задумал писать диссертацию по трудовому образованию и воспитанию. Я стала ездить в лагерь со своими и чужими классами с 1967 года. Теперь, когда подошла очередь нашей параллели, у меня был солидный стаж трудовой деятельности на колхозно-совхозном поприще. А ЛТО в Воронах стал престижным местом отдыха наших учащихся в летнее время. Городские школьники не только привыкли к незнакомому сельскому труду, но и полюбили часы отдыха на озере, походы по историческим и природным достопримечательностям, вечерние поэтические минутки у костра.

Как считалось, мы на заработанные деньги едем на экскурсию в Москву, Ленинград, на отдых к морю в Одессу или в Ригу. Конечно, таких денег заработать мы не могли. Доплачивал профсоюз, спонсоры, шефы. Но ребята учились быть хозяевами в своём деле. Бригады наших двух бригад присутствовали на совхозных планёрках, получали задания. Учётчики скрупулёзно вели учёт заработков и расходов.

К 1974 году, когда пришла очередь ехать нашей параллели, у лагеря был настолько высокий авторитет, что проходили туда чуть ли не по конкурсу.

Контингент очередной лагерной смены определял комитет комсомола под руководством Шлык Валентины Кирилловны, организатора воспитательной работы.

Захотел поехать в лагерь труда и отдыха и мой проблемный ученик. Я прекрасно понимала, что это далеко не та кандидатура, которая годится для ЛТО. Трудиться с землёй и на земле – это не для него. Но, выполняя просьбу Абрама Григорьевича, я всё ещё томилась со своей «гуманной педагогикой». Думала: пусть побудет с коллективом в иной обстановке.

Валентину Кирилловну убедила, что Трескунов – хороший фотограф, а значит наша лагерная газета «Тяпка» станет ещё ярче.

В первые пару дней лагерной смены я не могла поехать со всеми. Была членом экзаменационной комиссии в выпускных классах. Пришлось проверять сочинения, которые ребята тогда писали в течение пяти часов.

Когда я после проверки приехала в лагерь, Саша Трескунов бросился ко мне со словами: «Если бы вы сегодня не приехали, я бы точно сбежал в город». Мне в этот момент было не до его проблем. Хотелось поскорее разобраться, кто в какой бригаде, что за работа предстоит в поле.

Несколько позже от девочек моей бригады я узнала, какая беда постигла моего злосчастливого ученика, и почему он хотел сбежать в город.

А беда случилась такая. Ребят поставили на прополку огурцов. Травы много. Молоденький огуречник с трудом начал пробиваться среди сорняков. Откуда тому же Трескунову знать, как выглядит молодое огуречное растение? Конечно, те, у кого бабушка в деревне или кто во второй, а то и в третий раз едет в лагерь, имеют какой-то опыт. Другие спросят у соседа по грядке. Саше Трескунову амбиции не позволяли поинтересоваться, как выглядят огурцы на совхозном поле.

Я обычно всякую работу в поле начинала с «мастер-класса». Сама к тому часу уже прошла приличный ликбез в колхозно-совхозных делах.

Василий Иванович Бугаенко – человек военный. В школе он военрук. Здесь – начальник лагеря труда и отдыха. В новом статусе он повёл себя как положено военному руководителю: «Я отдал приказ – ваша задача выполнять порученную работу».

Когда же начальник лагеря пришёл проверить выполненное задание, грядка, где потрудился Саша Трескунов, сияла чистотой. Ни травинки. Ни тебе сорняков, ни огуречника, молодых растений. В ответ на замечание Василия Ивановича «победитель сорной травы», видимо, ответил что-то не слишком корректное. Девчата слышали, что довольно сердито прозвучало: «Я ваши огурцы только на столе да на рынке видел. Откуда мне знать, как они растут?»

Я решила, что начальник лагеря, человек требовательный и решительный, поступил по отношению к неумелому работнику довольно гуманно. Он тут же объявил во всеуслышание: «Я знаю, что ты, Трескунов, учился в музыкальной

школе. Завтра возьмёшь в руки баян и пойдёшь с ним в поле вместо тяпки. Пока ребята будут заниматься прополкой, ты будешь ходить между грядками и воодушевлять их весёлыми мелодиями. От такой твоей работы совхоз понесёт меньше убытков».

Не знаю, чем закончилось это наказание, но я-то знала, с чего мне надо начинать. Обычно, если у кого-то из тружеников не складывались отношения с морковкой, свёклой или огурцами, я становилась на грядку отстающих, полола вместе с ним, подтягивала, вдохновляла. Обещала, что ещё немного, и можно выйти в передовые. Потом отправлялась на другие проблемные грядки.

Так и на сей раз стала рядом с Трескуновым, показала, как выглядит молодое огуречное растение, объяснила, как бережно надо охранять слабые ещё корешки.

Чтобы не ущемлять его амбиции, переходила на другие грядки, где нужна была помощь. Сочиняла менторские сказки: посмотри вон на Таню или на Свету. Их бабушки в деревне научили бороться с сорняками. Вот бригада и гордится их успехами.

И так изо дня в день. С послезавтрака и до обеда. А потом озеро. Вечером костёр, песни, стихи, танцы в коридоре вороновской школы. Иногда ходили в походы по историческим местам. Ездили в соседние деревни, где приходилось убирать клубнику, красную и чёрную смородину, пропалывать «школку», где поднимались саженцы яблонь. В Дрюково, Тишково, в Пушкари нас возил на совхозном грузовике шофёр дядя Петя. На ближние поля ходили пешком. Однажды работали на поле средней дальности – между Воронами и Полями. Вдруг набежала туча, загремел гром. Дяди Пети с машиной поблизости не было. Укрытия тоже никакого. Побежали в лагерь, кто как мог. В грозу бежать опасно. Это общеизвестно. А ребята мчались, не оглядываясь. Я с детства жутко боялась грозы. Но ещё страшнее было за них, за всех и каждого.

Когда добралась до лагеря, гроза стала утихать. Тучи ушли вдаль. Стала проверять, все ли на месте. С тревогой заметила: нет Трескунова. Неужели эта вечная проблема у меня, как у классного руководителя, никогда не кончится? Была досада на свою неумелость, беспомощность.

Гроза к тому времени уже ушла вдаль, но дождик ещё моросил. Нашла свои резиновые сапоги, надела плащ и отправилась на поиски. Теперь-то я представляю, как могли ребята осуждать мою «охранительную педагогику» по отношению к человеку, который недавно появился в нашем классе, но пытался стать чуть ли не в центре внимания. Ах, Абрам Григорьевич! Всё это ваше «Обиженному судьбой человеку нужны тепло и внимание».

Много лет спустя я поняла, что Саша Трескунов никаким обиженным не был и не считал себя таковым. Это был человек, уверенный в том, что ему должно быть доступно всё то, что он пожелает. Но не об этом я думала тогда, идя под утихающим дождём по мокрой тропинке. Не помню: обрадовалась или рассердилась, когда

увидела его на берегу озера среди нескошенной травы. Промокший до нитки он бродил по лугу и собирал цветы. Колокольчики, лютики, смолянки... Их было великое множество. Наше внимание, сосредоточенное на прополке капусты, моркови, свёклы, отвлекало нас от всей этой природной красоты. Мы жили в то время в мире меркантилизма. Побольше обработать соток, чтобы получить деньги и поехать на очередную экскурсию или на отдых к морю.

Увидев меня, Трескунов заторопился навстречу. Ещё издали он стал протягивать мне огромный, похожий на веник, букет. Мне в эту минуту было не до цветов. «Девочкам отдай», – буркнула я. – Пусть поставят на тумбочки.

По дороге в лагерь где-то в подсознании у меня мелькнула мысль: «А может он для Аллочка собирал цветы?» Хотелось даже вслух произнести что-нибудь саркастически-ядовитое, но, к счастью, сдержалась.

Аллочка, девочка из-за которой начались Сашины (а заодно и мои) проблемы, училась в параллельном классе и тоже была в лагере. Но, как мне казалось, ни симпатий, ни антипатий между ними уже не было.

Так шли дни за днями. Приятно было слышать на совхозной планёрке благодарности в адрес ребят. Возникали юмористические ситуации во время работы и на отдыхе. Весело создавали рукописную газету «Тяпку». Тревогу иногда вызывали случаи, когда на озере кто-то заплывал за мифическую черту на воде, которую зрительно установила Валентина Кирилловна, когда была начальником лагеря.

Но конец смены приближался. Обычно вечер закрытия лагеря проводили в столовой совместно с руководством колхоза. Потом были танцы в коридоре Вороновской школы и костёр неподалёку во дворе.

В этот же 1974 год в школе был серьёзный ремонт. Наш лагерь поселили в клубе совхоза. Там поставили раскладушки. Во время танцев их сдвигали по сторонам. Нам с Валентиной Иосифовной, «учитывая пол и возраст», дали комнатку в доме, где размещался сельсовет. Это недалеко от клуба, но всё же не вместе, как прежде. Мужчины наши – Анатолий Иванович и Василий Иванович – занимали некий угол в клубе, чтобы быть поближе к мальчикам.

И вот наступил он, этот последний вечер – вечер закрытия лагеря. Руководство совхоза куда-то торопилось. После короткой официальной части в клубе сдвинули раскладушки, установили магнитофон, и начали танцы. Место для традиционного костра долго не могли определить. Наконец вынуждены были разжечь его за углом клуба. Следить одновременно за этими двумя объектами было нелегко. Тем более, что к Анатолию Ивановичу приехала жена. «Привезла целый короб» городских новостей. Василий Иванович тоже заинтересовался ими. Втроём они куда-то отлучились. Мы с Валентиной Иосифовной поочередно заглядывали в зал, где находилась основная масса танцующих, потом торопились к костру, где собрались романтики, мечтатели, любители звёзд и поэзии.

Я только что отошла от костра и торопилась в клуб узнать, не появился ли там Василий Иванович. После яркого света костра глаза никак не могли что-то увидеть в темноте. И надо же, на моём пути снова возникло препятствие в виде вездесущего Саши Трескунова. Ему, видите ли, надо подзарядить фотоаппарат, а нужная розетка есть только в нашей с Валентиной Иосифовной комнате. Пока я подыскивала подходящий предлог, чтобы отсрочить эту «подзарядку», неподалёку прозвучал отчаянный девичий крик. К нам бежала Инна, девочка из класса Валентины Иосифовны. В её крике слышался ужас и смятение. «Галина Петровна, перевяжите меня. Никифоров хотел убить меня».

В лагере знали, что санитарная сумка постоянно хранилась у меня. Медработника по штату у нас не было, и я уже перевязывала кому проколотую пятку, кому разбитую коленку. Пока я останавливала кровь и перевязывала простреленное предплечье Инны, пострадавшая выдала мне ещё более страшную информацию: «А Колю Дианова Никифоров чуть не убил. Коля побежал в город, а ребята за ним...» Это, по всей вероятности, было последнее, что сохранилось в её памяти с момента страшного испуга.

Коля Дианов – ученик из моего класса. Он не был в числе тех, кто числился в списке ребят, работавших в лагере. По слухам, он собирался поступать в какой-то престижный техникум, готовился, поэтому не поехал в лагерь. Но, думаю, в этот торжественный вечер ему захотелось повеселиться с друзьями. Он приехал в лагерь со своей одноклассницей Аллой Казаченко.

Когда я добежала до клуба, Коля лежал на раскладушке, повернув голову набок. На спине была кровоточащая рана. Ребята пояснили, что он действительно бросился бежать в город. Его еле остановили, привели и уложили на раскладушку.

Я потом с удивлением вспоминала своё тогдашнее состояние. Я ещё не осознала, что у нас в лагере случилась страшная беда. Меня тревожила мысль, что я не знаю, как остановить кровь на спине, как наложить повязку на эту часть тела. В институте на медподготовке нас учили, как остановить кровотечение на руке, на ноге. Мы даже учились бинтовать друг другу головы. А тут спина?

К счастью, Василий Иванович уже вызвал «скорую». Машина приехала быстро. Осмотрев раненых, фельдшер спросила, кто поедет с детьми в больницу. Тут только до меня дошло, что действительно случилась страшная беда. Пытаясь избавиться от некоего жуткого состояния, посмотрела в сторону наших мужчин, надеясь на какую-то поддержку. Но и Анатолий Иванович, и Василий Иванович стояли поодаль и даже не глядели в нашу сторону.

Только несколько дней спустя Анатолий Иванович объяснил мне их тогдашнее странное поведение. Дело в том, что жена Анатолия Ивановича привезла им пиво, и они после ужина немного выпили в своём закутке. Понятно, что в таком состоянии ехать в больницу они не могли.

Когда до меня дошло, что непонятное молчание затягивается, я заявила, что Коля – мой ученик, поэтому ехать должна я. Не помню, как рядом со мной в машине оказалась Валентина Иосифовна. Позже она объяснила, что возвращаться в лагерь нам придётся глубокой ночью. А это 10-12 километров от городской черты по безлюдному шоссе среди кустов и деревьев. Если сказать сегодня об этом человеку нового поколения, он удивится: «А что, такси не могли вызвать?» Понятно, что нынешним молодым людям даже представить себе трудно, что в те годы у нас в Витебске даже днём трудно было найти такси. Тем более ночью. Да ещё за город.

Нестерпимо мучила ещё одна мысль: как объяснить родителям весь ужас случившегося. Немного утешили нас медики в больнице. Объяснили, что выстрел произведён из самодельного устройства. Пулька прошла через мягкие ткани предплечья девочки, когда рука её во время танца находилась на плече юноши. Кусочек металла потерял свою силу и застрял под лопаткой. Жизненно важные органы не пострадали. Когда мы вышли из больницы, была глубокая ночь. На улице Фрунзе, где жила семья Инны, Валентина Иосифовна решила, что родителей пока беспокоить не стоит. Они ждут дочь только завтра к обеду.

Стали подниматься по лестнице в квартиру Диановых. У меня было темно в глазах, хотя на площадке горела электрическая лампочка. Я мало знала эту семью. «Посещение учащихся на дому», что входило в обязанность классного руководителя, я выполняла не очень добросовестно. Бывала в семьях, где возникали проблемы. А тут семья благополучная, ученик примерный. Вся надежда была на Валентину Иосифовну. Она давно знакома с семьей Диановых. У неё учился старший брат Николая – Серёжа. Он закончил нашу школу пару лет тому назад. К тому же, у Валентины Иосифовны иной характер, иная манера общения с родителями учеников. Она человек активный, энергичный, инициативный. Мне же, выросшей без родителей, переживать отношения с малознакомыми людьми всегда нелегко.

Дверь открыли сразу. На пороге стояла мама моего ученика. Её тревожный вопрос прозвучал в одном–единственном слове: «Живой?». В этом слове было всё: и боль, и тревога, и надежда. Только много дней спустя мне стало понятным, почему у мамы были такие горестные глаза, почему она в такой тревоге. Всё дело было в интересах и занятиях Коли.

Коля, как и многие его сверстники, в те годы увлёкся стрелковым спортом. Посещал кружки, бегал в тир, постоянно участвовал в такого рода соревнованиях. К этому времени в школьные планы ввели новый предмет – военное дело. В учительском коллективе появился военрук Василий Иванович Бугаенко. Человек деятельный и энергичный, в подвале нового здания школы он оборудовал стрелковый тир. «Разборка-сборка автомата», «стрельба с точным попаданием в цель», «не уложишься во время – пойдёшь служить на китайскую границу»... Эти обороты речи стали популярными среди мальчишек. Повторялись они в шутку, и всерьёз.

Кроме того, Витебск готовился к празднованию 30-летней годовщины освобождения. Теперь речь шла уже не о героико-патриотическом воспитании, а о военно-патриотическом. Естественно, Коля Дианов, как и его товарищи, во всех этих делах был в числе первых.

К тому же он не только был активным участником подобных событий. Он был человеком–умельцем, выдумщиком и изобретателем. Говорили потом, что в домашней мастерской он создавал технически интересные, грамотные вещи. Мама же, конечно, знала об этом, и её это не могло не тревожить. До меня это всё дошло много дней спустя.

А в этот вечер, или уже в ночь, пока Валентина Иосифовна успокаивала маму, вошёл отец моего ученика. Он, напротив, стал успокаивать нас всех и даже предложил чаю. Нам было не до чая. Это много позже я вспомнила, что Дианов-папа работает в учреждении, которое имеет самое прямое отношение к охране общественного порядка в городе. И, возможно, ему уже сообщили о происшествии в лагере. Ведь районная милиция приехала вскоре после «скорой помощи». Но это понимание пришло не сразу. А пока мы чуть успокоились. Нас не обругали, ни в чём не обвинили. Надо поскорее отправляться в Вороны.

Прошли по ул. Ленина, вышли на нынешний Московский проспект. Были уже в районе сегодняшнего Билева–I, когда впереди мелькнул огонёк встречной машины.

«Жаль, что не попутка», – вздохнула я. «Нам теперь уже всё равно», – заметила Валентина Иосифовна.

Встречная легковая машина поравнялась с нами и остановилась. Из машины вышел наш Василий Иванович, а вслед за ним два работника милиции. Оказывается, уже и городская милиция побывала у нас. Работники милиции выслушали наши показания о случившемся, а затем, по своей инициативе, отвезли нас в лагерь. Мы были счастливы, что не пришлось пешком преодолевать оставшиеся километры. В лагере от девочек мы узнали про некоторые моменты следствия. Выяснилось, что самодельную опасную игрушку привёз в лагерь Коля Дианов. А точнее, Алла Казаченко в своей сумочке. Об этом между молодым народом шёл разговор. Когда Коле захотелось пригласить на танец девочку, он доверил охранять своё изобретение парню из параллельного класса. Любознательный товарищ, не очень-то разбирающийся в подобной технике, нажал некую кнопочку. И тут раздался выстрел. Я тоже вспомнила, что фамилия Никифорова прозвучала, когда я перевязывала Инну.

Но несчастный Никифоров уже во всём не только признался, но даже достал из неподобающего места вещественное доказательство, отмыл его и предъявил к расследованию.

Когда я вспоминаю эту печальную историю, я думаю, что мы, учителя, легко расплатились за свои промахи, оплошности, ошибки? Или не знаю ещё за что.

Уверена, что от большой беды нас спас отец Коли Дианова. В другие времена нас ждало бы чудовищное наказание. Тогда же нам записали по строгому выговору, осудили в тесном учительском коллективе, а на следующее лето снова от.

В молодости мне нередко приходила в голову мысль: почему нашей дружной, слаженной компании чаще других доставались эти «командировки». То в ЛТО, то в отсталый колхоз городокского района, то сопровождать экскурсию в Ленинград, в Ригу, во Владимир. И не обязательно со своей параллелью. Может быть, мы готовы были выручить тех, ко постарше, а скорей всего нам самим это приносило отраду. Ответ появился много лет спустя.

Когда мы, люди примерно одного поколения, стали приближаться к пенсионному возрасту, появилось желание время от времени устраивать неформальные встречи. Кто-то из нас назвал такие встречи «сбеганками». Потом на наши «сбеганки» стали приходиться наши бывшие ученики, которые тоже достигли своего степенного возраста. Однажды одна из прежних учениц, а теперь сама уже в статусе педагога, заметила: «А согласитесь, наши дорогие учителя, вам в те далёкие годы было приятнее общаться с нами, учениками, не в классе у доски, а в необычной обстановке: в походе, на экскурсии и особенно в лагере труда и отдыха. Тогда вы не сердились на нас, не злились за наши шалости, а, напротив, развлекались вместе с нами, веселились, порой дурачились. Кто-то из бывших одноклассников этой женщины добавил: «Понятно: в лагере не было Иванова, который сдал вовремя сочинение. Не было Морозова, что в очередной раз нагрубил молодому преподавателю черчения, а Галине Петровне пришлось снова вмешиваться в их очередной «обмен любезностями».

Вот и появился ответ на мои время от времени возникавшие размышления. Да, мы любили своих учеников. Любили не только образцово-показательных отличников. Но, пожалуй, больше даже тех неугомонных, озорных, нередко леноватых, кого называли «трудными», «проблемными». Таких, впрочем, в моём классе не было. Но если говорить о событиях в целом, то ни с одним из моих выпусков (1961, 1966, 1969, 1979, 1986 1993) не возникало таких сложных, тревожных моментов, как с этим невероятным классом 1975 года выпуска. Раньше я начинала вести уроки с восьмого класса. Там была литература, поэзия, разговор о книгах. А тут началось со «стрелялок», потом воинские конкурсы, игры. И наконец «Зарница».

Десятый класс. Наша последняя «Зарница» на пустыре за ветинститутом. В чём только там не соревновались?! Была стрельба в цель, преодоление препятствий попластунски, медпомощь пострадавшему и даже противохимическая защита.

Но вот кто-то в игре достиг цели. На высокой фрунзенской горке прикоснулся к «победному знамени». Игра закончена. Я не помню, какой класс оказался победителем. Но явно не наш. Если бы была победа, не случилось бы того

несчастливого случая, который до сих пор порождает в моей памяти чувство самой горькой вины за всю мою педагогическую историю.

Это чувство пришло потом. А тогда на горке Василий Иванович собрал свой штаб и повёл в школу. Я подумала, что мне тоже следовало бы собрать свою команду и довести их хотя бы до школьных ворот. Но на столе в учительской лежал недописанный протокол педсовета, который требовалось срочно сдать в канцелярию. Подумала и решила: ребята уже взрослые, живут недалеко. Дойдут сами. Как-нибудь разберутся.

И «разобрались». Утром – не успела открыть дверь в школу, – как кто-то рядом произнёс: «А ваш Грибовский в больнице. Вчера «скорая» увезла после соревнований». Пока дошла до учительской, уже знала подробности: «бежал, споткнулся, упал на колючку, поранил глаз».

Поскорей побежала в больницу. Там уже сидели Сашина мама и Аллочка Казаченко. Саша и Аллочка подружились недавно. Мне нравилось, как заботливо и трогательно относились они друг к дружке. Больно стало от бессилия, от невозможности помочь в беде и от какой-то необъяснимой вины. Почему не проводила до самой школы? Поговорила с окулистом. Доктор повторила то, что услышала от пациента: бежал, споткнулся, упал на колючку.

Врач заметила, что травма серьёзная. Давать какие-то прогнозы медики не берутся. Когда прощались, лечащий доктор как бы в раздумье произнесла: «Но откуда след пороха?» Гордясь своей осведомлённостью, я стала пояснять, что всё это военные игры. У ребят даже тетрадки порой пахнут порохом.

Шло время. Никто меня вслух не упрекнул, не обвинил. Но горькое чувство вины не проходило. После окончания учебного года я даже боялась что-то спрашивать о Сашиной взрослой жизни. Мне никто не сказал, когда он умер.

Порой доставала альбом с фотографиями. Всмотривалась в лица. Вот и он, Саша Грибовский. Где-то озорной и весёлый, а где-то сосредоточенный, задумчивый...

Пролетели одно, другое десятилетия. И вдруг открылась тяжёлая удручающая тайна. Состоялся очередной традиционный вечер встречи выпускников. Тогда эти вечера проводились регулярно.

После торжественного собрания все разошлись по своим классам. Мы собрались в нашем классе, где когда-то в 5–6–7 классе шалили, фотографировались, получали свои благополучные и не всегда достойные оценки. Вспоминали свои, ребячьи, и наши, учительские промахи и просчёты. Вспоминали тех, кто далеко и не смог приехать. И тех, кто не придёт никогда. Прозвучало имя Саши Грибовского. Возможно, тот, кто произнёс это имя, тоже, как и я, томился неким невнятным свидетельским чувством вины. Из оговорок и недоговорок в моём сознании возникла картина того, что произошло в тот роковой час.

Когда «Зарница» закончилась, народ стал расходиться по домам. Кому–то из нашей команды показалось, что не всё ещё выяснили, не обо всём переговорили. А может быть, просто не хотелось расставаться. Собрали хворост, разожгли костёр. Неизвестно, кто первым бросил в костёр оставшийся в кармане патрон, не использованный во время стрельбы в цель. Был это Саша Грибовский или кто иной? И сколько ещё этих опасных игрушек сохранилось у них в карманах? Вот тут и вспомнились слова лечащего врача про «след пороха». Но все твёрдо поддерживали единую версию: «бежал, споткнулся, упал на колючку».

То, что произошло тогда у костра, – это извечное пристрастие подростков, тяга их к предметам, таящим в себе угрозу. Помню, как в первые послевоенные годы мои сверстники-мальчишки находили в развалинах, на берегах реки в половодье неразорвавшиеся мины, снаряды. Ковырялись в них, несмотря на запреты мам и бабушек. Подрывались, гибли или становились инвалидами. Но тогда смертоносная война только-только прошла через их детскую жизнь. Это всё было им знакомо.

Но сегодняшнему поколению, которое не видело войны, зачем эти развлечения? Не мы ли, взрослые, подталкивали их к этим вещам? Сначала детские пистолетики, потом для наших же взрослых амбиций детские игры в войну. Да, есть люди, для военной службы нужные. Есть армия для защиты страны. Но нужные навыки они должны получать в соответствующих условиях. В военных училищах им дают знания, вырабатывают навыки обращения с оружием, приучают к дисциплине и организованности. Как ни странно, но из этого выпуска не многие пошли в военные училища. А вот те, кто заканчивал школу в 1986 и позже, активно подавали заявления в военкомат и преодолевали серьёзные конкурсы.

Но этих ребят ждала нелёгкая судьба. На их долю выпали «Афган» и «Кавказ». Я не учила Сашу Ефименко. Он был из параллели Татьяны Григорьевны, кажется. Но я знала эту семью и этого мальчика. У меня училась Наташа Ефименко, Сашина сестра. Когда вертолёт Саши сбили над Афганистаном, все мы стояли здесь в Витебске у гроба с грузом-200, глотали слёзы и сокрушались о судьбе отважного вертолётчика и нашего недавнего ученика, который отдал жизнь неизвестно за чью родину и непонятно за чьи интересы.

Те же из наших выпускников, кому посчастливилось выйти живыми из этой войны, такие, как мой Толя Антоненко, как несколько ребят из параллельного класса «В», никогда, ни при каких обстоятельствах не хотели вспоминать о том, что им пришлось пережить на афганской земле.

Остаётся только сказать доброе слово о наших организаторах воспитательной работы, обо всём школьном коллективе, что в сложное в финансовом отношении время сумели собрать средства для установки мемориальной доски на стене школы в память о бывшем нашем ученике, отважном вертолётчике.

И ещё надо вспомнить в связи с таким событием Кунашко Елену Анатольевну. Она тогда преподавала историю и занималась организацией первого настоящего

музея средней школы № 15 и гимназии № 1. Близко к сердцу она приняла новое поручение, договорилась с известным в Витебске скульптором. Это была первая мемориальная доска, установленная на школьном здании в связи с таким фактом истории.